

М. М. Сперанский и развитие отечественной правовой государственности в XXI веке

Резюме. Статья посвящена 250-летней годовщине со дня рождения выдающегося государственного деятеля России — М. М. Сперанского. Авторы поставили задачу в кратком эссе совместить анализ государственных, правовых и стилистических аспектов деятельности реформатора. Особенностью методологии исследования является сочетание изучения сущности и результатов программы государственных реформ М. М. Сперанского с идейной борьбой вокруг либеральной и консервативной альтернатив развития России; попытка идеологической идентификации российской государственности и правопорядка XIX в. Делается вывод о значительной роли Сперанского в формировании основ российского конституционализма, в разработке концептуальных представлений о конституционном порядке деятельности высших органов государственной власти. В статье рассмотрены ключевые подходы М. М. Сперанского к систематизации русского права. Делается вывод, что в начале XIX в. на основе исторического опыта русских инкорпораций XVI–XVII вв. была выявлена базовая архитектура русского права. Приоритетным способом его развития является сплошная инкорпорация, разворачивающаяся во времени непрерывная имплементация новых норм в основополагающую структурную матрицу. Сперанский показал, что право — единство надсистемного характера, выходящее далеко за пределы отдельных нормативных комплексов. В статье раскрыты задачи нового этапа развития современного российского законодательства в контексте систематизации русского права первой половины XIX в. Делается вывод, что природа отечественной правовой формы состоит не в универсализме отраслевых кодификаций, а в таком правовом конструктивизме, который позволяет создавать и регулировать социальные отношения комплексной природы. Анализ правовых аспектов государственной деятельности Сперанского проведен в тесной связи с характеристикой стиля его аналитической работы. Сделан вывод, что М. М. Сперанский выступил как государственный деятель нового типа, личность которого была соразмерна вызовам и тенденциям развития русской государственности в Новое время.

Ключевые слова: М. М. Сперанский; российское законодательство первой половины XIX в.; государственные реформы М. М. Сперанского; государственное управление; Свод законов Российской империи; систематизация русского права; законодательство России в XXI в.

Для цитирования: Синюков В. Н., Синюков С. В. М. М. Сперанский и развитие отечественной правовой государственности в XXI веке. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 10. С. 9–17. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.215.10.009-017

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

Mikhail Mikhailovich Speransky and the Development of Russian Legal Statehood in the 21st Century**Vladimir N. Sinyukov****Sergey V. Sinyukov**

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the 250th anniversary of the outstanding statesman of Russia Mikhail Mikhailovich Speransky. The authors set the task in a short essay to combine the analysis of state, legal and stylistic aspects of the reformer's activities. A special feature of the research methodology is the combination of studying the essence and results of Speransky's program of state reforms with the ideological struggle around liberal and conservative alternatives to the development of Russia; an attempt at ideological identification of Russian statehood and the rule of law of the 19th century. The conclusion is made about the significant role of Speransky in the formation of the foundations of Russian constitutionalism, in the development of conceptual ideas about the constitutional order of the activities of the highest state authorities. The paper examines Speransky's key approaches to the systematization of Russian law. It is concluded that at the beginning of the 19th century Russian legal architecture has been identified based on the historical experience of the Russian incorporation of the 16th–17th centuries. The priority way of its development means continuous incorporation, the continuous implementation of new norms unfolding over time into the fundamental structural matrix. Speransky showed that law is a unity of a suprasystem nature that goes far beyond the limits of individual normative complexes. The paper elucidates the tasks of a new stage in the development of modern Russian legislation in the context of systematization of Russian law in the first half of the 19th century. It is concluded that the nature of the Russian legal form means legal constructivism that allows creating and regulating social relations of a complex nature rather than universalism of sectoral codifications. The analysis of the legal aspects of Speransky's state activity is carried out in close connection with the characteristic style of his analytical work. It is concluded that Speransky acted as a statesman of a new type, whose personality was commensurate with the challenges and trends of the development of Russian statehood in Modern times.

Keywords: Mikhail Mikhailovich Speransky; Russian legislation of the first half of the 19th century; state reforms of Speransky; public administration; Code of Laws of the Russian Empire; systematization of Russian law; legislation of Russia in the 21st century

Cite as: Sinyukov VN, Sinyukov SV. Mikhail Mikhailovich Speransky and the Development of Russian Legal Statehood in the 21st Century. *Lex russica*. 2024;77(10):9-17. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.215.10.009-017

Acknowledgements: The paper was prepared as part of the work on the state assignment «The Russian Legal System in the Realities of Digital Transformation of Society and the State: Adaptation and Prospects for Responding to modern Challenges and Threats (FSMW-2023-0006).» EGISU R&D registration number: 124012000079-6

250-летняя годовщина со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского дает основание еще не раз возвратиться к довольно изученному наследию знаменитого государственного деятеля России, с именем которого связаны проекты либеральных реформ начала XIX в. и не менее знаменитая систематизация русского права.

XIX век занимает особое место в мировой истории, включая Россию, как ключевой период в вызревании и становлении новой буржуазной государственности и культуры права в самом широком их смысле. Уже произошли все великие буржуазные революции — голландская, английская, американская, французская; европейские нации переходят в состояние завершения своего сверхнового национального само-

определения; формируется неоклассическая политическая и правовая культура, которая во многом определит основные противоречия и конфликты XX в.

Правовая Россия начала XIX в. Россия вошла в XIX в. после петровских реформ предыдущего века, который резко изменил весь уклад русской жизни. XVIII век вошел в историю как время становления Российской империи, расширения ее могущества и территории, с одновременным зарождением процессов социального раскола и глубокой бюрократизации государственного аппарата.

Это было судьбоносное время с большим стратегическим потенциалом и одновременно фундаментальными неопределенностями. Впереди была война с наполеоновской Фран-

цией, Венский конгресс и триумф русской европейской политики Александра I, зловещий 1825 год, декабристы, проекты первой русской конституции. Одновременно — мощный процесс формирования новой русской идентичности — новоевропейской культурной традиции в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, точное и глубокое осознание главных альтернатив развития русской цивилизации западниками и славянофилами.

Корни последующего хода русской истории, в том числе истории государственно-правовой, относятся именно к первой половине XIX в., который дал синтез петровских реформ с русской государственно-правовой традицией и определил парадигму дальнейшего развития русского общества.

М. М. Сперанский как государственный деятель нового типа. Личность М. М. Сперанского была соразмерна сложности и противоречивости России, выходящей из катастрофы русской традиционной государственности в XVIII в.

Головокружительная карьера — от скромного семинариста до государственного секретаря Российской империи, близкого сотрудника двух императоров — Александра I и Николая I, автора проекта радикальной государственной реформы.

Выдающиеся личные качества Сперанского, аналитическое и системное мышление, способность глубокого проникновения в суть самых разных вопросов, замечательная работоспособность, скромность, чистота и незапятнанность, денежная чистоплотность, нестяжательность — всё это вместе было для него естественным. В личности Сперанского раскрылся прообраз черт многих будущих русских государственных деятелей, довольно нетипичный ни для XVIII в., ни более раннего времени.

Высокая культура государственного поведения, исключительно деловой статус чиновника, чуждый дворцовым интригам, нашли в Сперанском свой образец в новой русской истории. Конечно, он был влиятельным человеком и стремился к этому, но его влияние имело правовые формы, что сближало его стиль с европейской, а не восточной государственной практикой. По свидетельству современников, «с подчиненными он всегда обходился ровно и вежливо, без окриков и грубости, от которой не были свободны даже выдающиеся люди того времени»¹.

Государственная программа М. М. Сперанского. Были ли у Сперанского самостоятельные политические идеи? Безусловно, он был носителем определенного политического мировоззрения, основанного на сложном сочетании немецкой философии XVIII в. (Фихте, Шеллинг), английской правовой доктрины, творчества французских просветителей с элементами мистицизма в масонском духе, теософии и, что не удивительно для его карьеры семинариста, — русских церковных авторов XV–XVI вв.

Самостоятельной политической фигурой в современном смысле Сперанский, разумеется, не был. Конституционные идеи Сперанского были заказом Александра I — сторонника республики или как минимум конституционной монархии, а сам Сперанский находился под сильным впечатлением бюрократической системы, созданной Наполеоном в итоге французской революции.

Влияние реформатора на российское государство и право очень сложно и разносторонне. Он выступил национальным идеологом четко работающего государственного механизма. Новый строй государственного управления, предлагавшийся им и частично реализованный, исключал, однако, всякое присутствие общин в государственном управлении, и по своей исторической роли был несопоставим, даже стратегически ретрограден по сравнению с учреждениями московского периода.

Модель государственного управления, созданная Сперанским, оформила абсолютистское правление, опирающееся на бюрократический аппарат, и в известном смысле заложила в высшей степени актуальную для России традицию новой административной культуры. Однако одновременно с этим в целом его административная реформа была продолжением бюрократической централизации в России начала XVIII в.

Сперанский формировал тип самоизолированного государственного механизма, одинаково непроницаемого как со стороны верховной власти, так и снизу, со стороны территорий. В этом отношении время и подход Сперанского получили в России XIX–XX вв. значительную историческую перспективу и устойчивость по сравнению с собственно политическим строем того времени. Централизация стала элементом государственной идентичности России, которая,

¹ Нольде А. Э. Граф М. М. Сперанский. Опыт характеристики. Публикация М. Раева // Новый журнал. Нью-Йорк, 1989. Кн. 175. С. 267.

однако, до сих пор не получила достаточного сопряжения с другими элементами этой же идентичности — общинными и самоуправленческими началами русской политической и правовой традиции.

До сих пор мы далеко не всегда можем правильно поставить вопрос о природе автономии местного самоуправления в России: эта природа не противоположна, а тождественна единой системе государственной власти, характеризую важные элементы ее целостной организации. Надо сказать, что поправки к российской Конституции 2020 г., которыми введено понятие единой публичной власти, выступают в этом контексте важным этапом движения к идентичности российского конституционализма.

Конституционализм М. М. Сперанского. Своими проектами реформатор стремился внести определенную меру конституционного порядка в деятельность высшей государственной власти, поставить ее в рамки законности. С позиции сегодняшнего дня и современной конституционной доктрины здесь уже нет проблемы, пройдена огромная историческая дистанция. Идея законности и даже шире — легитимности власти давно вошла в мировую и национальную политическую практику.

Однако проекты Сперанского актуальны тем, что именно тогда вопрос о конституционализме был осмыслен в рамках оппозиции либерального и консервативного подходов, остро столкнувших русскую историческую традицию с европейской. Это столкновение идеологий произошло накануне нашествия французов — носителей крайне либеральных и по тем временам совершенно радикальных взглядов на государство и человека, сейчас во многом преодоленных в Европе и самой Франции.

Сперанский исходил из идеи единства закономерностей исторического процесса, включения России в общий ход европейской политической истории с определенным стадийным запаздыванием. Его проект реформы государственного управления, который он прямо называл конституцией, основывался на принципах абсолютистского октроирования, разделения властей по модели распределения функций в системе единой самодержавной власти.

За учреждением в 1810 г. министерств и в 1811 г. Государственного совета должны были последовать изменения формы государственного правления и законодательства.

Все эти проекты находились в русле политики европеизации и исключительно либеральной модели развития страны. На первом этапе своей государственной деятельности, до ссылки, Сперанский предлагал решительно западноевропейский путь развития и поэтому стал в общественном мнении России олицетворением либеральной альтернативы. Однако в реформу вмешались влиятельные консервативные силы, отражавшие позицию своеобразного «глубинного государства» того периода, которые выступали за развитие России на основе непрерывности русской политической традиции.

Консервативная модель получила обоснование в известной записке Н. М. Карамзина Александру I «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях».

Одно государство может заимствовать у другого «полезные сведения», не следуя этому последнему в обычаях². Карамзин полагал, что единственным средством противодействия возврату территориальной княжеской раздробленности является сильная самодержавная власть, и видел в ней единственно возможную форму правления в России.

Карамзин обосновал также идею примата традиции над формальным законом. Признавая верховенство самодержавной власти, он указал на ее надконституционные неформальные ограничения — антидеспотизм, невмешательство в свободный народный быт и нравы и неогосударствление церкви³.

Можно ли говорить о победе тогда консервативного подхода? Во многом — нет. Скорее, произошла эклектическая дихотомия в идеологии реформ, затронувшая отдельные части госаппарата и оставившая государственный корабль России в состоянии длящейся неопределенности, открывшая простор для нарастания политической борьбы вокруг краеугольных альтернатив развития русского общества. Подход Сперанского фактически возобладал лишь в административной практике российской государственности XIX в., превратив самодержавие в

² См.: Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 31.

³ См.: Кузнецов О. В., Лотарев К. А., Тараканов В. В. М. М. Сперанский и М. Н. Карамзин: два пути цивилизационного развития России или спор о рациональной системе государственного правления? // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5. С. 93.

России в типичный европейский полufeодальный абсолютизм, который своей односторонностью в XX в. привел страну к революции.

С точки зрения сегодняшнего дня подходы Сперанского и Карамзина в результате сложного двухвекового исторического развития образуют комплексный состав российского конституционализма.

Государственное строительство и правообразование в России нуждаются в дальнейшем разумном соединении этих двух, казавшихся в начале XIX в. полярными, государствообразующих подходов.

Систематизация русского права. В XIX в. синтез либерального реформизма и консервативной политической традиции дали важнейший результат в сфере права — создание Свода законов, который сочетал сохранение существующего регулирования с новой юридической формой.

Является ли этот опыт актуальным для развития современного российского законодательства? В современной литературе так вопрос не ставится даже самими законодателями⁴. Однако несмотря на то, что нас с тем временем разделяют полные два века, на этот вопрос можно ответить утвердительно. И тогда, и сейчас Россия решала очень сходные задачи в своей нормативной сфере. Как тогда, так и сейчас для нас злободневны вопросы избыточности актов, нарастание хаоса в подзаконном регулировании; как тогда, так и сейчас речь идет о неупорядоченном рецептировании иностранных институтов и форм; как тогда, так и сегодня мы сталкиваемся с вопросами методологии самой архитектуры регулирования, сбалансированности отраслевых и надотраслевых массивов, имплементации правоприменительной практики.

Оценка роли систематизаций на различных этапах эволюции отечественного правопорядка составляет важнейший элемент анализа его нормативности, и этот анализ абсолютно необходим в условиях поиска наиболее эффективной нормативной модели отечественного правопорядка.

В настоящее время фактически открытая Сперанским форма сплошной и возможной для имплементации новых актов инкорпорации, которая отличалась от замкнутой систематизации Юстиниана и современных Сперанскому французских кодексов, приобрела стратегиче-

скую актуальность. Именно в начале XIX в. на основе исторического опыта русских инкорпораций XVI–XVII вв. была выявлена базовая архитектура русского права, приоритетный способ его развития, состоящий в последовательных и этапных инкорпорациях накопленного нормативного материала на основе основополагающей системной матрицы.

Европейские кодификации — вовсе не главный признак российского нормативного правопорядка. В дореволюционной России никогда не было кодификаций, но были крупные комплексные нормативные правовые акты, обладавшие непревзойденной для западных стран исторической протяженностью и одновременно высочайшей социально-правовой гибкостью (Судные грамоты, Судебники, Соборное уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.).

Современному российскому законодателю и его теоретикам важно не заикливаться на вчерашних европейских формах, а внимательно изучить их нынешний нормативный авангард, во многом созвучный подходам российского законодательства начала XIX в.; учесть национальный, в том числе советский, опыт инкорпорации законодательства, который в настоящее время всё более соответствует нарастающей сложности и дифференцированности инновационного регулирования.

Анализируя российский правопорядок, мы не можем руководствоваться романтическими воззрениями 90-х гг. прошлого века на западные законотворческие институты, включая кодификации, к тому же в их давно ушедших идеалах XIX в. Мы также не можем идеализировать советские кодификации, которые принципиально и исходно не рассматривались как институты инновационного развития права.

М. М. Сперанский показал, что право — это единство, но единство надсистемного характера, выходящее далеко за пределы отдельных систематических комплексов. Высшая природа правовой формы не в отраслевых кодификациях, а в таком правовом конструктивизме, который позволяет создавать и регулировать новые правовые отношения комплексной природы.

Стиль Сперанского. Говоря о роли М. М. Сперанского в развитии русского права, надо понимать, что он никогда не был юристом в обычном значении этого слова — ни по обра-

⁴ См.: Крашенинников П. В. Семь жизней графа Михаила Сперанского. Биография реформатора России. М.: Эксмо, 2021.

зованию, ни по служебной деятельности (она носила в основном административный и законодательный характер в рамках Второго отделения Императорской канцелярии). Его печатные труды носили в основном политико-нравственный характер. И в то же время его заслуги именно в правовом развитии России огромны.

Свободная аналогия: у Казимира Малевича тоже не было художественного образования, но он открыл новое направление в искусстве — беспредметную живопись, где форма стала существом картины. В результате систематизации Сперанским русского права содержанием русского законодательства на сто лет вперед стала его форма. Именно такое развитие сделало возможным прогресс русского нормообразования, юридической техники, юридической науки, вызревание новых национальных регулятивных институтов, сохранение и прогресс самостоятельного правового мышления в России.

Как Наполеон I для гражданской кодификации во Франции или Сталин для Конституции 1936 г. в СССР, Сперанский стал незаурядным системным методологом, способным вникнуть в существо социального правового заказа, абстрактных понятий и сделать выводы широкого государственно-правового значения.

Сперанский никогда не изучал достаточно подробно зарубежного права и законодательства. Более того, он не знал в большой степени и русского права, которое было ему известно только в пределах сугубо служебных вопросов.

Как же он руководил систематизацией и подготовкой законов? Все конкретные сведения о законодательстве готовили его сотрудники, и по этим материалам он создавал свои записки. У него было потрясающее чувство стиля и формы, способность делать концептуальные выводы на основе справочных материалов.

В то же время аналитических и литературных способностей Сперанского было абсолютно недостаточно, чтобы сделать новый шаг в содержании русского права. Именно в начале XIX в. содержание и форма русского права начинают вести сложную параллельную жизнь. После XVIII в., отмеченного массивными зарубежными интервенциями в русское законодательство, в России оказалась прерванной традиция национальной законотворческой догмы, которая так мощно проявила себя в русском праве XVI–XVII вв. Существенным препятствием к ее развитию были и устаревшие формы со-

словных отношений, и сохраняющееся крепостное право и, конечно, определенная стагнация отечественной юридической школы.

Ярким примером отсутствия необходимого прогресса в развитии институтов российского права явилась подготовка Сперанским Гражданского уложения. Проект Гражданского уложения, составленный Сперанским, стал переделкой французского гражданского кодекса 1804 г., как по институтам, так и по системе их подачи. После удаления Сперанского проект был подвергнут изменениям в пользу большей русской самобытности, но и в уже окончательном виде — в форме X тома Свода законов — исследователи отмечают в нем сильное влияние французского гражданского права.

В русской дореволюционной литературе биографического характера доказано, что Сперанский, несомненно, широко знакомился с сочинениями иностранных юристов по гражданскому праву, читал труды по римскому праву и новейшим европейским, в частности прусским и австрийским, кодификациям. Записки реформатора содержат ссылки на иностранные образцы, им цитируются юридические термины, используемые в иностранной литературе, которые им упоминаются, как пишет биограф, кстати и некстати. Чувствуется, что сведения эти — свежеприобретенные, и автор подчас делает выводы неожиданные и неоправданные логически⁵.

Фактически Сперанский, не будучи профессиональным юристом, не смог разрешить сомнения и противоречия, связанные с адаптацией ФГК к русской действительности. Если в конце XX в. при подготовке ГК России 1994 г. точно такие же противоречия решались в пользу абстрактных юридических норм, призванных подтянуть за собой реальные общественные отношения (что, к сожалению, не произошло), то Сперанский оказался бессилён перед задачей формирования новой юридической догмы. Весь фактический материал, которым он располагал, включая иностранные источники, без догматической научной оценки приобретал у него алогичный и тривиальный характер.

Барон А. Э. Нольде, биограф М. М. Сперанского, отмечал характерные в этом смысле суждения реформатора о праве собственности. «На вопрос, кто имеет право собственности, дается следующий ответ: либо тот, кто приобрел вещь, никому не принадлежащую, либо тот, кто при-

⁵ См.: Нольде А. Э. Указ. соч. С. 271.

обрел ее от первоначального приобретателя посредством законных передач — “приобретение производное”, <...> назовем для краткости все доказательства его первоначального приобретения первоначальным укреплением, тогда сие укрепление будет составлять существо собственности. Сие понятие о праве собственности есть одно строгое юридическое, все другие суть или ложные, или поверхностные; отсюда смешения и споры между юристами нескончаемые»⁶. Замечания Сперанского нашли полное выражение в статьях закона (ст. 420 т. 10 Свода законов) и доставили последующим поколениям юристов много головоломных затруднений. Пиетет перед мнением Сперанского побуждал их искать в этих словах какой-то особый, таинственный смысл, а между тем очевидно, что доказательства первоначального укрепления не могут составлять «существо собственности» и его «понятие». Приобретение права не есть сущность его, передача вещи не есть собственность⁷.

Юридический «метод» Сперанского в значительной степени интуитивный и абстрактно-логический, в целом без проникновения в природу правовых явлений. Не случайно в семинарии Сперанский испытал большое увлечение математикой и в последующем славился дарованиями в области формальной логики, применением которой значительно отличаются его служебные записки.

Технико-законотворческие вызовы в XXI в. В современных условиях изменчивость законодательства значительно ускорила. В связи с этим неизбежно постепенно меняется его архитектура — способ связи элементов, соотношение нормы и формы права, макро- и микро-структуры. К началу XXI в. право переживает кризис регуляторов, и этот процесс совпал с технологической революцией. Без новых общетеоретических правовых доктрин создание качественного законодательства и современная юрисдикционная практика невозможны. Уровень задач, которые сейчас решает Россия, требует несоизмеримо более высокого уровня организации правовой среды и нормообеспечения инноваций.

На основе больших данных, извлеченных образов фактически мы имеем возможность создавать новые исследовательские предметы права. Право порождает большой контент,

который в настоящее время юристы-теоретики практически никак не используют. Правовая система ежесекундно продуцирует информацию, создавая перспективу получения уникальных знаний о регуляторах и закономерностях правового поведения людей. Без такой методологии невозможно управлять законодательством и тем более оптимизировать нормативную массу.

Прежние приемы оптимизации законодательства XX в., кодификация и хронологическая инкорпорация, в настоящее время уступают место новой парадигме изменчивости правового регулирования — комплексной цифровой инкорпорации на основе синтетических регуляторов.

Новые правовые технологии могут быть созданы прежде всего юристами, а не экономистами и программистами, которые фактически сейчас возглавляют процесс цифровизации российского права. В общем процессе когерентности знания право не утрачивает своего предмета; более того, в условиях цифровой трансформации этот предмет делается методологически ведущим, своего рода контрапунктным, который определяет логику всего процесса технологизации регулятивной сферы.

Нейронные сети, машинные алгоритмы накладываются на устаревшую структуру и содержание права. Необходима новая повестка теории в отношении правообразования. Кодификация и систематизация нуждаются в новых принципах. Эта работа созвучна проблемам, которые решала систематизация русского права начала XIX в., — сплошная систематизация на основе переработки содержания старых источников. В современных условиях, в отличие от первой трети XIX в., Россия располагает развитой теорией права и отраслевой юридической доктриной, занимает передовые позиции в мире в технологиях цифровой систематизации, что создает предпосылки для нормативных прорывов в упорядочении регуляторной среды.

В настоящее время Россия, как и другие страны, сталкивается с проблемой прогрессирующей нормативности, особенно в сфере исполнительной власти. Ежегодный объем выпускаемых Правительством постановлений и распоряжений за последние шесть лет вырос более чем на треть. Речь идет не только о росте числа актов, но и об их постраничном объеме. Суммарный объем актов Правительства еже-

⁶ См.: Нольде А. Э. Указ. соч.

⁷ См.: Нольде А. Э. Указ. соч.

годно значительно возрастает. Так, если объем постановлений Правительства в 2016 г. составлял чуть более 12 000 страниц, в 2018 — уже 17 000, а 2020 — 27 000⁸.

Новая структура права должна не столько отражать существующие отношения, сколько создавать новый правовой объем, который способен давать простор инновациям и социальному творчеству. Именно в этом главный вызов праву России на основе исторических уроков.

Выводы. Через два столетия адаптации в России либеральной идеи можно утверждать, что либерализм стал естественным элементом многообразной российской политической практики. Однако утверждать, что либерализм стал основой национальной традиции государственности и права, ни в коем случае нельзя.

Инкорпорируя либеральные институты, не отрицая европейского развития, не становясь на путь изоляции, Россия именно с XIX в. фактически восприняла иную, гораздо более национальную и традиционную для нее модель государственности и правопорядка.

Решение вопросов макроправовой стабилизации российского правопорядка, как и в XIX в., будет зависеть от способности предложить новую модель системы законодательства, ориентированную на ключевые институты социальных отношений. Назрела необходимость нового упорядочения юридической формы с сохранением накопленного опыта регуляторных практик. Новизна ситуации в XXI в. по сравнению с веком XIX состоит в том, что современные правовые отношения по-прежнему, часто не без труда, вправляются в рамки классических

отраслей права и традиционных юридических средств. Необходима теоретическая оценка мегапроцессов в сфере отечественного законодательства, которые привели к избыточности нормативной массы.

Законодательные усилия подчас излишне тратятся на вопросы кодификации гражданского, административно-штрафного законодательства, что далеко не всегда связано с подлинной проблематикой эффективности правореализации. Урок из опыта либеральных реформ Сперанского — необходимость формирования системы российского права XXI в., которая бы создала концепт новой юридической формы на основе цифровой переработки содержания права.

Понимание этих процессов в праве очень важно для представления социальной сущности, культурно-исторического и структурно-функционального единства российской и евразийской государственности.

Общность и принципиальная разница подходов к развитию законодательства в России XIX и начала XXI в. состоят, во-первых, в необходимости упорядочения и стабилизации правопорядка на основе единой традиции исторической государственности и правовой культуры, во-вторых — в совершенно иной современной социальной динамике, в неизмеримо широких задачах и функциях современного права в условиях технологической трансформации общества.

Вместе с тем, несмотря на новизну нынешней ситуации, общие контуры организации нормативной среды России удалось увидеть именно в XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991.

Крашенинников П. В. Семь жизней графа Михаила Сперанского. Биография реформатора России. М. : Эксмо, 2021.

Кузнецов О. В., Лотарев К. А., Тараканов В. В. М. М. Сперанский и М. Н. Карамзин: два пути цивилизационного развития России или спор о рациональной системе государственного правления? // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5.

Нольде А. Граф М. М. Сперанский. Опыт характеристики. Публикация М. Раева // Новый журнал. Нью-Йорк, 1989. Кн. 175.

Распоряжения уходят в тень постановлений // РБК. 2022. № 5 (7.02). С. 3.

⁸ Распоряжения уходят в тень постановлений // РБК. 2022. № 5 (7.02). С. 3.

REFERENCES

- Karamzin NM. Note on ancient and new Russia in its political and civil relations. Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.).
- Krashennnikov PV. Seven lives of Count Mikhail Speransky. Biography of the reformer of Russia. Moscow: Eksmo Publ.; 2021. (In Russ.).
- Kuznetsov OV, Lotarev KA, Tarakanov VV. M.M. Speransky and N.M. Karamzin: Two ways of civilized development of Russia or a dispute about a rational system of public administration? *Science Journal of Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations*. 2019;24(5):86-99. (In Russ.).
- Nolde A. Count M. M. Speransky. Experience of characterization. Publication by M. Raev. New Journal. Book 175. New York; 1989. (In Russ.).
- Orders fade into the shadow of decrees. *RBC*. February, 7. 2022;5:3. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Синюков Владимир Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vnsinyukov@msal.ru

Синюков Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
svsinyukov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Sinyukov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vice-Rector for Research, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vnsinyukov@msal.ru

Sergey V. Sinyukov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
svsinyukov@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 10 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 13 сентября 2024 г.
Принята к печати 15 сентября 2024 г.*

*Received 10.04.2024.
Revised 13.09.2024.
Accepted 15.09.2024.*